
ПОСТИМПЕРСКИЕ ТРАЕКТОРИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Иван Лошкарёв*
Даниил Пареньков**

DOI 10.24833/2073-8420-2017-4-45-91-96

***Введение.** Статья посвящена понятию постимперии, которое отсылает исследователей к многочисленным ситуациям и практикам, возникающим после распада империй. Постимперии давно являются объектом пристального внимания исследователей, что, однако, не привело к выработке адекватного категориального аппарата. С учетом этого, в статье понятие анализируется не путем формулировки строгой дефиниции, а путем определения основных направлений развития постимперий.*

***Материалы и методы.** В теоретико-методологическом плане авторы опираются на герменевтический подход, который позволяет сочетать дескриптивные методики и анализ субъективных аспектов рассматриваемого явления. Также авторы обращаются к сравнительно-историческому методу для осмысления соотношения и взаимосвязи конкретных постимперских исторических ситуаций. Материалом исследования выступили, главным образом, европейские государства (в том числе, Турция), что обусловлено особенностями научного дискурса в сфере изучения постимперий. Также авторы привлекают опыт ЮАР и Венесуэлы, что в некоторой степени компенсирует исходный европоцентризм представленных в научной дискуссии обобщений.*

***Результаты исследования.** В результате исследования выявлено, что постимперии могут развиваться тремя основными способами (траекториями). Первый подразумевает воспроизведение имперских практик государствами, которые уже не входят в состав или не являются империями. Важным элементом такого поведения является «миф империи», который легитимизирует некооперативное поведение такого государства. Вторая траектория постимперии заключается в возвращении к имперскому устройству. Несмотря на доминирующий в научном дискурсе оптимизм по поводу глобализации и окончательного ухода империй в прошлое, авторы отмечают, что для возрождения империй существует существенная политическая и социально-экономическая инфраструктура. Наконец, третий путь развития постимперий – это транснационализация имперских практик. Данная траектория подразумевает сочетание потенциала негосударственных и квазигосударственных акторов мировой политики с устоявшимися имперскими практиками, в том числе, идеократическими.*

***Обсуждение и заключение.** Авторы пришли к выводу о множественности путей развития как основы понимания феномена постимперий. Дальнейшее внимание исследователей может быть сосредоточено на выявлении неуказанных в статье постимперских траекторий – например, в рамках теорий демократического транзита.*

* **Лошкарёв Иван Дмитриевич**, преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России.
e-mail: polittheory@mail.ru.

** **Пареньков Даниил Алексеевич**, преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России.
e-mail: polittheory@mail.ru.

Введение

Понятие постимперии прочно вошло в научный дискурс. Существует даже междисциплинарная субдисциплина, которая пытается изучать империи и постимперии на стыке истории, права, политической философии, – империология. Несмотря на то, что значительное количество научной литературы посвящено постимперским ситуациям и практикам, это понятие остается крайне размытым. Конечно, к постимпериям применима стандартная отговорка, что другого рода понятий в социальных науках и не бывает. Но в случае с данным понятием очевидна и другая причина: понятие постимперии остается производным от империи, обозначает разнообразные (возможно, не сводимые к одному знаменателю) ситуации «после империи».

Вероятно, распад империй в разных уголках мира проходил с неизбежной локальной спецификой, а, значит, любые обобщения нуждаются в ряде важных оговорок. Первая из таких оговорок заключается в том, что империи были историческим типом государственности, отражавшим процесс политической экспансии, активного создания исторических и политических мифов, борьбы внутри элит и поиска баланса центра и периферии. Иными словами, империя была сложносоставным и многоуровневым *процессом*, как, видимо, и постимперия. Вторая оговорка может быть сформулирована следующим образом: империя всегда была *более широким понятием, чем просто государство* (хотя бы в силу специфических механизмов собственного функционирования) [3. С. 39-43]. Это открывает путь к изучению негосударственных и квазигосударственных постимперий, в которых связь с государственными институтами могла как ослабевать, так и усиливаться по сравнению с имперским периодом. Третья оговорка, немного противоречащая предыдущей, заключается в том, что империи, по всей видимости, *не были географически прерывистыми*: естественными рубежами империи оказывались горы, океаны – то, что империя не могла преобразовать. Это значит, что понятия колониальных, морских и великих держав, по всей вероятности, можно описать через «империи с прилагательными», то есть вывести в отдельный класс империй, многие черты которого едва ли были характерны для

большинства империй*. Это вызвано тем, что ими руководила совершенно другая логика – логика обращения капитала (культурного, финансового) [6. С. 30-47]. Наконец, четвертая оговорка связана с тем, что империю как исторический тип государства одолели национальные государства [14. С. 870-873] – но далеко *не полностью*. В этом смысле, постимперия остается частью имперского процесса, постепенного перехода от империи к «неимперии».

Исследование

Пример мести имперского прошлого проявляется, например, в феномене (пост)имперской меланхолии – попытках всю вину за любые политические проблемы возложить на распад империи (ключевую роль при этом играет образ «золотого имперского века»). Развитие подобной меланхолии происходило следующим образом: национальные государства стремились сконструировать новую историю своих граждан (в ряде случаев – поданных), исходя из необходимости делегитимации старой, имперской версии прошлого. Чаще всего, делегитимация сопровождалась отсутствием открытой дискуссии о временах империи – в особенности, о периоде распада и перехода к новому типу государственности. Но в реальности происходило следующее: мигранты из государств бывшей периферии прибывали (и продолжают прибывать) в страну-бывший центр империи, в странах бывшей периферии нередко существовали анклавные бывшей имперской нации. Выходило, что на территории сразу нескольких национальных государств (или таких, что стремятся сформировать политическую нацию) были люди, которые не соответствовали новой версии истории, которые оказались чужаками. И проблему решить не так просто: чужаками этих индивидов сделало именно забвение имперского прошлого, на «разморозку» которого национальное государство пойти не может. В итоге, таким национальным государствам остается только винить ушедшую империю, не углубляясь в детали обвинения, а граждане, от противного, ищут у запретного имперского прошлого ответы на вопросы о собственной идентичности [9. С. 98]. Особенно сложно приходилось в тех странах, где распад империи проходил стремительно, где граждане новоявленных

* Очевидно, в современной политической науке в основном исследуется класс великих и колониальных держав – преимущественно европейских и североамериканских. В этом смысле, обобщение исторического опыта империй Азии, Африки и, возможно, Латинской Америки неимоверно важно для поиска сбалансированного подхода к понятию империи.

государств далеко не сразу осознали свой новый статус и какое-то время по инерции воспроизводили собственно имперские практики. Иными словами, в XX-XXI вв. (пост)имперская меланхолия нередко была причиной реальных политических конфликтов [7. С. 361-365].

Вполне очевидным представляется вопрос относительно локализации постимперий – это должны быть либо бывшие имперские центры, либо периферии. Значит ли это, что в регионах, где не было империй, постимперий быть не может? Вероятно, все-таки нет. Можно выдвинуть два аргумента в пользу такого тезиса. Во-первых, колониализм охватил весь мир, колониальные державы контролировали до 60% мировой территории к 1900 году [14. С. 870]. Это значит, что в каком-то виде имперские идеи (римская, византийская, христианская, цивилизаторская) дошли до всех регионов мира. Важным примером такой постимперии остается режим апартеида в ЮАР. Кстати, иногда постимперия подразумевает отрицание имперской идеи, попытку построения чего-то более справедливого и значительного, как это случилось в Венесуэле при У. Чавесе. Во-вторых, растет транснациональный оборот идей, людей и капиталов, что также может способствовать перетеканию постимперского наследия на новую почву. В условиях постоянно меняющегося баланса между культурной унификацией и гетерогенностью обращение к постимперской идее может казаться не самой плохой стратегией [4. С. 301-306].

Результаты исследования

Каковы же направления развития постимперий? Первое и наиболее очевидное направление связано с воспроизводством политических практик империи в отсутствие самой империи. Если распад империи не сопровождался резкими политическими изменениями, гражданскими войнами и(или) широкими репрессиями, имперские институты и элитные группы остаются влиятельными в новообразованном государстве [5. С. 101-103]. В частности, после распада Габсбургской империи Венгрия провозгласила себя монархией, а имперские бюрократы и военные заняли ключевые посты в период правления М. Хорти. Впоследствии Венгрия сформулировала немало территориальных претензий к соседям и стремилась к расширению, что явно не соответствовало ее скромному военному и экономическому потенциалу.

Постепенно старая имперская элита все равно уходит, формируются новые полити-

ческие практики. Значит ли это, что постимперия отмирает? Необязательно. Дело в том, что для определенных групп в элите может показаться выгодным использовать имперскую мифологию для мобилизации сторонников, легитимации собственных действий. Именно такую ситуацию Дж. Снайдер назвал «мифом империи». Суть такого мифа заключается в оправдании территориальной, политической или политико-экономической экспансии («лучшая защита – это нападение»). Как ни парадоксально, в пользу экспансии выдвигаются рациональные доводы (что считается несвойственным для пост/имперской политики):

- преимущество первого удара («напади сам, пока не напали другие»);
- наличие эффекта домино («потери на периферии ведут к потерям в центре»);
- противники или соседи – «бумажные тигры» («угрозы означают слабость») [12. С. 2-6].

В случае обращения государственной элиты к экспансионистской мифологии состояние постимперии может длиться долго, воспроизводиться разными поколениями в элите как наиболее простой способ мобилизации. Нередко такое толкование применяется к действиям России, что, вероятно, ошибочно [1].

Второе направление развития постимперий также достаточно очевидно – назад к империи. Восстановление империи во многом зависит от того, как произошло ее крушение и как долго существовала империя. Восстановление маловероятно, если империя мирно эволюционировала в поликультурное национальное государство. Но если империя распалась из-за внешних факторов или из-за высокой степени «износа» основных институтов, то возвращение империи вполне возможно. Это еще более вероятно, если империя до своего падения находилась в стадии собственной «зрелости», относительной внутренней стабильности. Также возвращение к империи возможно, если ее распад или существенное ослабление привели к региональной нестабильности, что формирует запрос на «сильную руку» [11. С. 128-130]. Остается вопрос, насколько реально возвращение к империи в условиях глобализации и технологического прогресса. Хотя сомнения на этот счет оправданы, необходимо отметить, что для нынешнего мира характерна конвергенция противоположных политических течений и явлений [2. С. 10]. Кроме того, наиболее жизнеспособным имперским наследием оказались финансовые

отношения центра и периферии (дань и контрибуции сменились долями в доходах о добычи полезных ископаемых и дивидендами от инвестиций), бюрократический аппарат и социально-географическое неравенство, а также некоторые общекультурные общности (Франкофония, Британское Содружество) [8. С. 347-357]. Эти компоненты имперского наследия устояли под натиском глобализации, что позволяет рассматривать их в качестве возможных строительных блоков для восстановления некоторых империй.

Третье направление развития постимперий связано с транснационализацией отношений, которые регулируются в соответствии с постимперскими «правилами» и мифами. Обычно транснационализацию связывают с глобализацией, которая, по общему убеждению, размывает границы национальных государств. Однако логика скорее обратная: появление национальных государств структурировало мировую политику, вынудило часть имперских практик сместиться на менее заметный уровень взаимодействий. Характерным примером такого взаимодействия могут служить «идеократические империи», в частности Римско-католическая церковь (РКЦ).

Рассуждения о западном христианстве в контексте империй, как правило, сводятся к обсуждению роли церковных институтов в распространении влияния, поиска новых направлений экспансии и укреплении идеологического господства. В то же время в исторической перспективе и сама церковь, в особенности РКЦ, предстает в виде своеобразной империи, простирающейся над границами государств и стремящейся к реализации собственной политической воли. Подобный образ Святого Престола ассоциируется, в первую очередь, с периодом Средневековья в контексте *Pax Christiana*. Тем не менее он остается актуальным и после завершения эпохи активного применения интердиктов, а интерпретация Римско-католической церкви как империи или постимперии возможна и в условиях современной ситуации. В этом смысле обращает на себя внимание концепция «империи душ», предложенная Роберто Беллармино в период контрреформации. В своих трудах Беллармино развивает идею о божественной империи церкви, существующей автономно от светской власти, но, в конечном счете, имеющей над ней главенствующее положение [13. С. 9-49]. Концепция легитимирует вмешательство Римской кафедры в политическое пространство в случае необходимости спасения душ католиков. Одним из

практических проявлений такого вмешательства выступает политика *non expedit*, в рамках которой Святой Престол в конце XIX века запрещал католикам участие в итальянских выборах. При этом ситуации, аналогичные *non expedit* можно наблюдать и в наши дни. Так, позиция Римско-католической церкви стала одним из определяющих факторов в провале итальянского референдума по вопросам репродуктивных прав 2005 года [10. С. 105-124]. Попытки современной Римско-католической церкви влиять на законодательный процесс вписываются в логику идеи о приоритете учения церкви, однако остаются в рамках легальных светских правил игры, принимая форму публичных кампаний и лоббистских активностей. В то же время заметен и рост амбиций Святого Престола, подтверждением чего служит кейс Бельгийских Братьев. В августе 2017 года после расследования Конгрегации Доктрины Веры Папа Римский Франциск потребовал от Бельгийских Братьев, управляющих крупнейшей во Фландрии сетью психиатрических клиник, отказаться от практики эвтаназии. Фактически Святой Престол впервые за долгое время прямо призвал католическую организацию к нарушению законодательства европейской страны, угрожая отлучением от церкви. Подобное столкновение легитимности церковной и светской власти сигнализирует о сохраняющемся внутри Римско-католической церкви представлении о примате сакрального над светским, а, следовательно, и о потенциале идеократического господства.

Заключение

Таким образом, понятие постимперии остается весьма актуальным для изучения текущих политических процессов. Оно позволяет не только проследить истоки трансформаций государств, их внутренней и внешней политики, но и описывает перспективы этих трансформаций. Даже с учетом размытости понятия и неизбежности дополнительных оговорок при его использовании, постимперии предоставляют исследователю неплохую аналитическую рамку для изучения явлений в сфере властных отношений, культуры, экономики.

Представленные выше траектории развития постимперий («имперская политика без империи», «возврат к империи» и «транснационализация империй»), очевидно, могут развиваться параллельно или даже одновременно (например, первое и третье направления развития). Пока сложно прогнозировать, какая из траекторий окажется доминирующей.

щей для мировой политики будущего. Вероятно, постимперские акторы (не только политики) способны выработать и другие траектории, формировать гибридные и нетипичные формы соответствующих практик. Однако уже сейчас необходимо констатировать, что

переход от империи к «не-империи» может охватывать достаточно длительный период времени, что делает проблему изучения постимперий весьма насущной для социальных наук в целом.

Литература:

1. Алексеева Т.А. Россия в пространстве глобального восприятия // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 14.
2. Водозапов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13.
3. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. Политические исследования. 1997. № 5.
4. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Theory, Culture & Society. 1990. № 7.
5. Barkey K. Thinking About Consequences of Empire // After Empire. Multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires. Ed. by K. Barkey, M. von Hagen. Boulder: Westview Press, 1997.
6. Barton G.A. Informal Empire and the Rise of One World Culture. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2014.
7. Brubaker R. Accidental diasporas and external 'homelands' in Central and Eastern Europe: Past and present // Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. Leiden and Boston, 2009.
8. Centeno M.A., Enriquez E. Legacies of empire? // Theory and Society. 2010. Vol. 39. № 3/4.
9. Gilroy P. After Empire: Melancholia or convivial culture? Abingdon: Routledge, 2004.
10. Metzler I. Between church and state: Stem cells, embryos and citizens in Italian politics // Reframing rights: Bioconstitutionalism in the genetic age. 2011.
11. Motyl A.J. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective // Comparative Politics. 1999. Vol. 31. No. 2.
12. Snyder J. Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. Ithaca&London: Cornell University Press, 1991.
13. Tutino S. Empire of Souls Robert Bellarmine and the Christian Commonwealth. Oxford: Oxford University Press, 2011.
14. Wimmer A., MinSource B. From Empire to Nation-State: Explaining Wars in the Modern World, 1816-2001 // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. № 6.

POST-IMPERIAL TRAJECTORIES IN WORLD POLITICS

Introduction: *The article deals with the notion of post-empire, which implies numerous situations and practices that arise after the collapse of empires. The post-empires have long been the object of close attention of researchers, which, however, did not lead to the development of an adequate categorical apparatus. Having said that, the article analyzes the concept by determining the main directions for the development of post-empires rather than by formulating a strict definition.*

Materials and methods: *From the theoretical and methodological point of view, the authors rely on the hermeneutic approach, which allows combining descriptive techniques and analysis of subjective aspects of the given phenomenon. The authors also turn to a comparative-historical method for understanding the correlation and interrelation of specific*

post-imperial historical situations. The material of the study mainly consists of European states' historical experience (including Turkey). The reason for that is the structure and the content of the scientific discourse in the study of post-empires. The authors also draw attention to the experience of South Africa and Venezuela, which to some extent compensates for the original Eurocentrism presented in scientific generalizations.

Research results: *As a result of the research, it was revealed that the post-empires can develop in three main ways (trajectories). The first one implies the reproduction of imperial practices by states that are no longer part of or are not empires themselves. An important element of this behavior is the "myth of the empire", which legitimizes the non-cooperative behavior of such a state. The second trajectory of*

the post-imperial behavior is to return to the imperial stage. Despite the optimism about the globalization and ultimate collapse of empires in the scientific discourse, the authors note that there is a significant political and socio-economic infrastructure for the revival of empires. Finally, the third way of post-empires' development is the trans-nationalization of imperial practices. This trajectory implies a combination of the potential of non-state and quasi-state actors in the world politics with well-established imperial practices, including ideocratic ones.

Discussions and conclusions: The authors came to the conclusion about the multiplicity of ways of development as a basis for understanding

the phenomenon of post-empire. The further attention of researchers can be focused on revealing the post-imperial trajectories that are not specified in the article (for example, within the framework of theories of democratic transit).

Ivan Loshkariov,
Lecturer with the Political Theory
Department, MGIMO-University under the
MFA of Russia
Daniil Paren'kov,
Lecturer with the Political Theory
Department, MGIMO-University of the MFA
of Russia

Ключевые слова:

постимперия, миф империи, имперская
ностальгия, возрождение империй

Keywords:

post-empire, myth of empire, imperial
nostalgia, imperial revival

References:

1. Alekseeva T.A., 2007. Rossiya v prostranstve global'nogo vospriyatija [Russia in the space of global perception]. *Mezhdunarodnye process [International Trends]*. Vol. 5. № 14.
2. Vodolazov G.G.. 2015. Real'nyj gumanizm kak ideologija sovremennosti [Real humanism as the ideology for current times]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Russian State Humanitarian University Review]*. № 13.
3. Kaspje S.I., 1997. Imperii: genesis, struktura, funkcii [Empires: origin, structure, functions]. *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*. № 5.
4. Appadurai A., 1990. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. *Theory, Culture & Society*. № 7.
5. Barkey K., 1997. Thinking About Consequences of Empire. *After Empire. Multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires*. Ed. by K. Barkey, M. von Hagen. Boulder: Westview Press.
6. Barton G.A., 2014. *Informal Empire and the Rise of One World Culture*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
7. Brubaker R., 2009. Accidental diasporas and external 'homelands' in Central and Eastern Europe: Past and present. *Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order*. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. Leiden and Boston.
8. Centeno M.A., Enriquez E., 2010. Legacies of empire? *Theory and Society*. Vol. 39. № 3/4.
9. Gilroy P., 2004. *After Empire: Melancholia or convivial culture?* Abingdon: Routledge.
10. Metzler I., 2011. Between church and state: Stem cells, embryos and citizens in Italian politics. *Reframing rights: Bioconstitutionalism in the genetic age*. Cambridge: MIT Press.
11. Motyl A.J., 1999. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective. *Comparative Politics*. Vol. 31. No. 2.
12. Snyder J., 1991. *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*. Ithaca&London: Cornell University Press.
13. Tutino S., 2011. *Empire of Souls Robert Bellarmine and the Christian Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press.
14. Wimmer A., MinSource B., 2006. From Empire to Nation-State: Explaining Wars in the Modern World, 1816-2001. *American Sociological Review*. Vol. 71. № 6.